

Пролог

Припертый в угол, я реагирую на каждое движение, которое воспринимаю периферийным зрением. Малейший звук заставляет меня вздрагивать. Секунды замедлились и застыли в неподвижности. Должно быть, я просидел здесь минут пять. А может быть, час.

Суд города Лунда расположен в самом центре, наискосок от полицейского участка, недалеко от вокзала. Все жители Лунда то и дело проходят мимо здания суда, однако большинство из них умудряются прожить всю жизнь, так и не побывав внутри. До самого недавнего времени это относилось и ко мне.

И вот теперь я сижу на диванчике перед залом заседаний номер два, а сообщение на мониторе передо мной гласит, что в зале проходит слушание дела об убийстве.

Внутри, по другую сторону двери, — моя жена. Так близко и так далеко. Прежде чем войти в здание суда и пройти контроль безопасности, мы остановились на лестнице и обнялись. Моя жена сжала мне руки так сильно, что они задрожали, и сказала, что от нас уже мало что зависит, что решение не в нашей власти. Мы оба знаем — это не совсем так.

Когда из громкоговорителя раздается треск, меня охватывает острый приступ тошноты. Я слышу свое имя. Настал мой черед. Пошатнувшись, я поднимаюсь с дивана, охранник открывает передо мной дверь. Он кивает,

не выражая ни малейшего чувства или мысли. Здесь для этого нет места.

Зал суда номер два оказался больше, чем я ожидал. Моя жена сидит, зажата в толпе зрителей. Вид у нее усталый, измотанный. На щеках следы слез.

В следующее мгновение я вижу свою дочь.

Она бледная и сильно исхудавшая, волосы свисают спутанными лохмами, потускневшие глаза смотрят на меня. Все мои силы уходят на то, чтобы сдержать желание броситься к ней и крепко обнять, прошептать, что папа рядом и не отпустит ее, пока весь этот кошмар не закончится.

Председатель суда приветствует меня — у меня сразу складывается о нем хорошее впечатление. Вид у него бодрый, при этом он кажется человеком, наделенным эмпатией. Он и чуток, и авторитарен. Подозреваю, что присяжные не станут возражать против его решения. К тому же мне известно, что он тоже отец.

Поскольку я близкий родственник обвиняемой, мне не надо давать присягу. Я знаю, что суд будет рассматривать мои показания в свете того, что подсудимая — моя дочь. Но мне известно также, что моя личность и не в последнюю очередь моя профессия придадут моим словам вес в глазах суда.

Председатель предоставляет слово адвокату. Я делаю глубокий вдох. То, что я сейчас скажу, определит жизнь многих людей на много лет вперед. То, что я сейчас скажу, определит все.

Но что я скажу — этого я пока не решил.

ОТЕЦ

Смотрящий кротко помилован будет,
а встречающийся в воротах стеснит
других. От плода уст своих человек на-
сыщается добром, и воздаяние чело-
веку — по делам рук его.

Притч. 12: 13–14

Мы были самой обычной семьей. У нас была интересная, хорошо оплачиваемая работа, широкий круг общения и множество интересов — от спорта до культуры. По пятницам мы ели заказанную из ресторана еду и смотрели передачу «Кумир», засыпая на диване перед телевизором еще до того, как будет выбран победитель. По субботам мы обедали в ресторанчике в городе или в каком-нибудь торговом центре. Мы смотрели гандбол или ходили в кино, общались с друзьями, сидя за бутылочкой вина. Ночью мы засыпали, тесно прижавшись друг к другу. Воскресенье проводили в лесу или музее, вели долгие разговоры по телефону с родителями или сидели на диване, каждый со своей книжкой. Воскресные вечера мы нередко завершали, сидя с компьютерами, бумагами и папками прямо в кровати, чтобы подготовиться к грядущей рабочей неделе. По понедельникам моя жена ходила на йогу, а по четвергам я играл в хоккей с мячом. У нас была ипотека, которую мы честно выплачивали. Мы сортировали мусор, включали поворотники и соблюдали допустимую скорость, всегда вовремя сдавали книги в библиотеку.

В этом году отпуск у нас был поздний — с начала июля до середины августа. После нескольких прекрасных летних отпусков в Италии мы решили отправляться в заграничные путешествия зимой, а летом отдыхать дома, совершая небольшие поездки по побережью,

чтобы навестить родственников и друзей. На этот раз мы к тому же сняли дачу в Орусте.

Почти все лето Стелла проработала в «Н&М». Она копила деньги на поездку в Азию, которую намеревалась совершить зимой. Я все еще надеюсь, что она туда поедет.

Можно сказать, что в то лето мы с Ульрикой снова открыли для себя друг друга. Это звучит банально, почти нелепо — трудно поверить, что можно снова влюбиться в собственную жену после двадцати лет совместной жизни. Словно этот период, пока в доме рос ребенок, был всего лишь кратким этапом в нашей истории любви. Словно именно этого лета мы все время ждали. Во всяком случае, ощущение было именно такое.

Дети занимают все твоё время. Сначала они груднички, и ты ждешь, когда они станут самостоятельными, — боишься, что они поперхнутся или разобьют себе нос, потом начинается садик, и ты постоянно волнуешься, когда их нет рядом, что они упадут с качелей или посещение врача выявит отклонения в развитии. Затем начинается школа, и ты беспокоишься, что их будут дразнить или у них не будет друзей, — уроки, катание на лошади, гандбол, пижамные вечеринки. Потом идут старшие классы, приятели, поздние посиделки, конфликты, вызовы в школу и поездки на такси. Ты переживаешь по поводу алкоголя и наркотиков — как бы они не попали в плохую компанию. Подростковые годы проносятся, как мыльная опера, со скоростью сто девяносто километров в час. И внезапно ты осознаешь, что ребенок стал взрослым, — и думаешь, что теперь можно перестать волноваться.

Этим летом мы почти не переживали за Стеллу. Никогда еще отношения в нашей семье не были такими гармоничными. Но потом все разом изменилось.

В пятницу в конце лета Стелле исполнялось девятнадцать лет, и я забронировал столик в нашем любимом ресторане. Италия и итальянская еда нам всегда нравились, а неподалеку от нас есть чудесная маленькая трагтория, где подают совершенно божественную пасту и пиццу. Я предвкушал спокойный уютный вечер с семьей.

— Una tavola per tre¹, — сказал я официантке с глазами серны и жемчужиной в носу. — Адам Сандель. Я заказывал столик на восемь часов.

Она опасливо огляделась.

— Минуточку! — проговорила она и убежала куда-то в глубину переполненного зала.

Ульрика и Стелла обернулись ко мне, пока официантка объяснялась с коллегами, жестикулируя и хмурилась.

Выяснилось, что человек, принимавший нашу заявку, случайно записал ее на страницу четверга.

— Мы ожидали вас вчера, — сказала официантка, почесывая в затылке ручкой. — Но мы сейчас все решим. Дайте нам пять минут.

Другой компании пришлось встать, когда сотрудники внесли в зал еще один стол. Ульрика, Стелла и я стояли посреди тесного рестораника, делая вид, что не замечаем раздраженных взглядов, устремленных на нас со всех сторон. Меня так и тянуло что-то сказать, объяснить, что ошиблись не мы, а работники ресторана.

Когда наш стол наконец-то был накрыт, я уселся, спрятавшись за меню.

— Просим прощения, — проговорил человек с седой бородой — судя по всему, владелец заведения. — Разумеется, мы компенсируем. Десерт после ужина — за наш счет.

— Ничего страшного, — заверил я его. — Все ошибаются.

¹ Стол на троих (*ит.*).

Официантка записала на бумажке, какие мы заказываем напитки.

— Бокал красного? — проговорила Стелла и вопросительно взглянула на меня, а я повернулся к Ульрике.

— Сегодня особый день, — ответила моя жена.

Я кивнул официантке:

— Бокал красного новорожденной.

После ужина Ульрика вручила Стелле открытку с узором Йосефа Франка.

— Это карта?

Я загадочно улыбнулся.

Вместе со Стеллой мы вышли из ресторана и завернули за угол. Чуть раньше я поставил туда ее подарок.

— Но, папа, я же говорила... Это слишком дорого! — Она прижала ладони к щекам, открыв рот.

Это был розовый мотороллер «веспа-пиаджио». Мы присмотрели его в Интернете пару недель назад, — само собой, он стоил немало, но мне удалось уговорить Ульрику купить его.

Стелла покачала головой и вздохнула:

— Почему ты никогда меня не слушаешь, папа?

Я поднял ладонь и улыбнулся:

— Достаточно маленького «спасибо».

Я понимал, что Стелла больше всего обрадовалась бы наличным, но дарить на день рождения деньги так скучно. На мотороллере она легко могла добраться до города, на работу или к друзьям. В Италии вся молодежь разъезжает на мотороллерах.

Стелла обняла нас и еще несколько раз поблагодарила, прежде чем мы вернулись в ресторан, но меня не покидало чувство разочарования.

Официантка внесла тирамису, подарок от заведения, — и мы констатировали, все трое, что не можем проглотить больше ни крошки. А потом все же все съели.

К кофе я заказал себе лимончелло.

— Мне уже пора, — сказала Стелла и заерзала на месте.

— Ну не прямо же сейчас?

Я взглянул на часы. Половина десятого.

Стелла поджала губы и продолжала вертеться на стуле:

— Могу еще посидеть. Минут десять.

— Сегодня твой день рождения, — сказал я. — Вы ведь завтра открываетесь только в десять?

Стелла вздохнула:

— Завтра я не работаю.

Как так? Она всегда работала по субботам. Именно таким образом она в конце концов и закрепилась в «Н&М», работая сначала по субботам, потом летом, потом — на неполную ставку.

— У меня сегодня после обеда болела голова, — уклончиво ответила она. — Мигрень.

— Так ты сказала им, что заболела?

Стелла кивнула. Дала мне понять, что это не проблема. Там есть другая девушка, которая с удовольствием выйдет за нее.

— Не этому мы тебя учили, — произнес я, когда Стелла поднялась и взяла свою куртку, висевшую на спинке стула.

— Адам... — сказала Ульрика.

— Но почему ты так торопишься?

Стелла пожала плечами:

— Мы с Аминой договорились встретиться.

Я кивнул, подавив недовольство. Наверное, в девятнадцать лет они все такие.

Стелла сердечно обняла Ульрику. Сам же я едва успел привстать со стула, когда она обняла меня, поэтому прощание вышло каким-то скомканным.

— А мотороллер? — спросил я.

Стелла взглянула на Ульрику.

— Мы доставим его домой, — пообещала моя жена.

Когда Стелла исчезла за дверью, Ульрика медленно вытерла рот салфеткой и взглянула на меня.

— Девятнадцать лет, — проговорила она. — Подумать только, как быстро летит время!

Вернувшись домой, мы с Ульрикой почувствовали, что смертельно устали. Мы уселись в разных углах дивана с книжкой, фоном включив Леонардо Коэна.

— И все же я считаю, что она могла выразить чуть больше благодарности, — сказал я. — Особенно после происшествия с машиной.

«Происшествие с машиной» стало в нашей семье устойчивым понятием.

Ульрика без всякого энтузиазма произнесла «угу», даже не подняв глаз от книги. Ветер за окнами крепчал, стены потрескивали. Лето было на исходе, заканчивался август, но меня это не смущало. Мне всегда нравилась осень — это чувство, что все начинается заново, словно новая влюбленность.

Когда некоторое время спустя я отложил свой роман, Ульрика уже заснула. Осторожно приподняв ее голову, я подложил ей под затылок подушку. Она тревожно зашевелилась во сне, и я даже подумывал разбудить ее, но потом вернулся к чтению. Прошло немного времени — и буквы стали расплываться перед глазами, мысли улетали куда-то. Я заснул, ощущая тяжесть в груди из-за той пропасти, которая вдруг образовалась между мной и Стеллой — между тем, какими мы были и какими стали, между моими представлениями о нас и реальностью.

Когда я проснулся, посреди комнаты стояла Стелла. Она покачивалась взад-вперед, а свет луны из окна освещал ее голову и плечи.

Ульрика тоже проснулась и протирала глаза. Вскоре комната заполнилась всхлипами и тяжелыми вздохами.

Я сел:

— Что произошло?

Стелла покачала головой, огромные слезы катились по ее щекам. Ульрика обняла ее, и, когда мои глаза постепенно привыкли к темноте, я увидел, что Стеллу буквально трясет.

— Ничего.

Затем они с мамой вышли из комнаты, а я так и остался сидеть с ужасным чувством пустоты в душе.

2

Мы были самой обычной семьей, но потом все изменилось.

Много времени надо, чтобы выстроить и наладить жизнь, а зачеркнуть все можно в одно мгновение. Понадобится много лет, десятилетий, возможно, вся жизнь, чтобы стать тем, кто ты есть. Пути, которыми мы идем, обычно извилисты, и мне представляется, что так и задумано: вся наша жизнь строится на ошибках и мытарствах. Характер закаляется в испытаниях.

Куда труднее мне понять то, что случилось с нашей семьей этой осенью. Я знаю — все понять невозможно, и в этом есть большой смысл, но в событиях последних недель лично я никакого смысла разглядеть не могу. Не могу объяснить ни себе, ни кому-либо другому.

Вероятно, такое случается со всеми, но мне кажется, что я, как священник, в большей степени, чем другие, несу ответственность за свое мировоззрение. Вообще-то, у людей часто вызывает сомнения моя вера. Меня спрашивают, вправду ли я верю в Адама и Еву, в Непорочное зачатие, в то, что Иисус шел по воде и воскрешал мертвых.

В самом начале своей христианской жизни я нередко уходил в глубокую защиту и начинал оспаривать

взгляды на мир, которых придерживался мой собеседник. Случалось, я утверждал, что наука — всего лишь одна из религий. И конечно же, не раз в душе моей пробуждались сомнения, пошатывалась моя убежденность. Однако теперь я тверд в своей вере. Я принял благословение Господне, и Господь обратил ко мне светлое лицо свое. Бог есть любовь. Бог — мое упование и надежда. Бог — мое прибежище и утешение.

Обычно я говорю, что я верующий, а не знающий. Когда начинаешь думать, будто что-то знаешь, легко совершить промах. Полагаю, что жизнь — это постоянное обучение.

Как и многие другие, я считаю себя человеком добрым. Это звучит, конечно, несколько самодовольно, чтобы не сказать высокомерно. Но я не то имел в виду. Я человек с огромным количеством недостатков, человек, совершивший массу ошибок и просчетов. Я прекрасно это осознаю и первым готов в этом расписаться. Просто я хотел сказать, что всегда имел благие намерения, руководствовался соображениями любви и заботы. Мне всегда хотелось поступать правильно.

Неделя, последовавшая после дня рождения Стеллы, мало чем отличалась от других. В субботу мы с Ульрикой поехали на велосипедах к друзьям в Гуннесбю. Воспользовавшись случаем, я задал осторожный вопрос по поводу ночных событий, но Ульрика заверила меня, что со Стеллой ничего страшного не случилось — проблемы с каким-то парнем, у девятнадцатилетних девушек такое бывает. Мне не стоит волноваться.

В воскресенье я беседовал по телефону с родителями. Когда речь зашла о Стелле, я сказал, что она теперь редко бывает дома, — в связи с чем мама напомнила мне, как сам я вел себя в подростковые годы. О таком легко забываешь.

В понедельник у меня были похороны в первой половине дня и крещение во второй. Удивительная у меня профессия, в которой жизнь и смерть обмениваются рукопожатиями на крыльчке. Вечером Ульрика поехала на йогу, а Стелла заперлась в своей комнате.

В среду я повенчал пожилую пару в своем приходе; они познакомились, оплакивая утрату бывших спутников жизни. Эта история поразила меня до глубины души.

В четверг я слегка подвернул ногу, играя в хоккей с мячом. Мой старый приятель по гандбольной команде Андерс, ныне пожарный и отец четверых сыновей, в пылу атаки случайно наступил мне на ногу. Тем не менее я сумел завершить передачу.

В пятницу утром, когда ехал на велосипеде на работу, я ощущал усталость. После обеда хоронил мужчину, который дожил только до сорока двух лет. Рак, само собой. Никак не могу привыкнуть к тому, что умирают люди, которые моложе меня. Его дочь написала прощальное стихотворение, но не сумела его прочесть, поскольку ее душили слезы. Я не мог не думать о Стелле.

В пятницу вечером я чувствовал себя совершенно разбитым после долгой недели. Стоя у окна, наблюдал, как тает за горизонтом конец августа. Осень со всей серьезностью стояла на пороге. Последний дымок от гриля поднялся и растворился над крышами домов. С садовой мебели убрали мягкие подушки.

Наконец-то я мог снять с себя пасторский воротничок. Я провел рукой по вспотевшему затылку. Наклонившись к подоконнику, случайно задел семейную фотографию в рамочке, и та упала на пол.

По стеклу прошла трещина, но я все же поставил фотографию обратно. На снимке, сделанном лет десять назад, кожа у меня ровнее и свежее, а в глазах таится озорство. Помню, мы смеялись чему-то как раз перед

тем, как фотограф нажал на кнопку. Ульрика широко улыбается, а перед нами стоит Стелла с розовыми щечками, двумя косичками и Минни-Маус на джемпере. Долго еще я стоял у окна и смотрел на семейное фото, а воспоминания теснились в груди.

Приняв душ, я приготовил свинину с чоризо в горшочке. Ульрика купила себе новые серьги, маленькие серебряные перышки, за ужином мы выпили на двоих бутылку южноафриканского вина, чтобы потом провести остаток вечера на диване за игрой в «Тривиал персьют», поедая соленые палочки.

— Ты знаешь, где Стелла? — спросил я, раздеваясь в спальне.

Ульрика уже забралась под одеяло.

— Она пошла к Амине. Не факт, что она придет ночевать.

Последнее было сказано мимоходом, хотя Ульрика прекрасно знает, что я думаю по поводу того, когда наша дочь не ночует дома.

Я взглянул на часы — они показывали четверть двенадцатого.

— Придет, когда придет, — сказала Ульрика.

Я уставился на нее. Порой мне кажется, что некоторые вещи она говорит лишь для того, чтобы меня спровоцировать.

— Отправлю ей эсэмэску, — ответил я.

И я написал Стелле, спрашивая ее, придет ли она ночевать домой. Само собой, ответа я не получил.

С тяжелым вздохом я улегся в постель. Ульрика тут же перекатилась на мою половину и стала гладить меня по бедру. Она целовала меня в шею, а я лежал и смотрел в потолок.

Знаю — мне не следовало волноваться. В молодости я никогда не был невротиком. Страх прокрался ко мне в душу, когда у меня появилась дочь, — и теперь он с каждым годом только растет.

Имея девятнадцатилетнюю дочь, нужно сделать выбор: либо сойти с ума от бесконечных страхов за нее, либо выбросить из головы все рискованные ситуации, которые она, похоже, обожает. Тут остается надеяться лишь на инстинкт самосохранения.

Вскоре Ульрика заснула у меня на плече. Ее дыхание касалось моей щеки, словно теплая волна. То и дело она вздрагивала — быстрые, напряженные движения, но сон тут же снова одолевал ее.

Я честно пытался заснуть, но голова моя была забита всякими мыслями. Усталость перешла в состояние маниакальной мозговой деятельности. Я думал о своих мечтах и планах, которые были у меня в разные периоды жизни, — многие уже изменились, но некоторые я все еще надеюсь осуществить. Потом я подумал о мечтах Стеллы — и с болью констатировал, что мне неизвестно, чего моя дочь хочет от жизни. Сама она упорно утверждает, что не знает. Никаких планов, никакой структуры. Она так не похожа на меня. Оканчивая гимназию¹, я уже имел в голове четкое представление, как сложится моя жизнь.

Я знаю, что не могу повлиять на Стеллу. Ей девятнадцать, она сама делает свой выбор. Как-то раз Ульрика сказала, что любовь — это когда размыкаешь ладони и отпускаешь в полет того, кого любишь, но мне часто кажется, что Стелла все еще сидит на краю гнезда и машет крыльями, не решаясь взлететь. Я представлял себе нечто иное.

Несмотря на усталость, я никак не мог заснуть. Перекатившись на бок, проверил мобильный. Там я обнаружил ответ от Стеллы.

Еду домой.

Часы показывали без пяти два, когда в двери повернулся ключ. Ульрика перекатилась на свою половину

¹ Гимназия в Швеции — профильное трехлетнее образование после 9 классов школы.

кровати и повернулась ко мне спиной. На первом этаже ходила Стелла, в туалете спускалась вода, быстрые шаги в постирочной, снова шум спускаемой воды. Это продолжалось целую вечность.

Наконец лестница закрипела под ее шагами. Ульрика дернулась на подушке. Я склонился над ней и посмотрел на нее, но она, похоже, спала.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, раздражение из-за того, что Стелла заставила меня мучиться, с другой — облегчение, что она наконец-то вернулась домой.

Я поднялся с постели и отворил дверь спальни как раз в тот момент, когда Стелла проходила мимо в одном белье, а волосы были собраны в мокрый хвост на затылке. Когда она открыла дверь в свою комнату, ее спина казалась в полумраке светящейся чертой.

— Стелла! — окликнул я.

Не отвечая, она быстро проскользнула в комнату и заперла за собой дверь.

— Спокойной ночи, — донеслось из-за двери.

— Приятных снов, — прошептал я.

Моя доченька дома.

З

В субботу утром я проснулся поздно. Ульрика сидела в халате за кухонным столом и слушала музыку.

— С добрым утром!

Она достала наушники из ушей, повесила их вокруг шеи.

Хотя я проспал дольше, чем обычно, туман в голове еще не рассеялся, и я пролил кофе на утреннюю газету.

— Где Стелла?

— На работе, — ответила Ульрика. — Когда я проснулась, ее уже не было.

Я попытался вытереть газету тряпкой.

— Она, наверное, совершенно разбитая. Прогуляла полночи.

Ульрика с улыбкой оглядела меня:

— Ты тоже не особо бодро выглядишь.

Что она хотела этим сказать? Ведь ей прекрасно известно — я не могу заснуть, пока Стеллы нет дома.

В этот день мы были приглашены на поздний обед к Дино и Александре. Такой обед предполагает алкогольные напитки, поэтому мы поехали в город на велосипедах. Поравнявшись с боулинг-клубом, я увидел полицейскую машину, а в пятидесяти метрах от нее, у развязки с круговым движением рядом с гимназией «Польхем»¹, стояли еще две. У одной были включены мигалки. По улице Родмансгатан быстрым шагом шли трое полицейских.

— Интересно, что тут произошло, — сказал я Ульрике.

Велосипеды мы поставили во внутреннем дворе, и только тут до меня дошло, что неудобно являться в гости с пустыми руками.

— Как хорошо, что хоть кто-то в семье об этом позаботился, — сказала Ульрика, вынимая из сумочки коробку дорогих трюфелей.

— Ты просто молодчина, моя дорогая, — шепнул я и чмокнул ее в щеку.

Александра открыла нам дверь с улыбкой на лице.

— Да что вы, это лишнее! — воскликнула она, когда я вручил ей коробочку трюфелей.

От хозяйки дома приятно пахло ландышами и лимоном.

— Привет-привет, — сказал Дино, пожимая мне руку.

¹ *Кристофер Польхем* — знаменитый шведский ученый и изобретатель XVII в.

Несколько минут мы стояли в холле и обменивались самыми насущными новостями и любезностями.

— Давно не виделись. Как дела?

— А Амины нет дома? — удивилась Ульрика.

На мгновение Александра заколебалась:

— На самом деле она должна была сегодня играть, но почувствовала себя неважно.

— Прямо не понимаю, что с ней! — воскликнул Дино. — Не припомню, чтобы она пропустила хоть один матч по гандболу.

— Может, это обычная простуда, — сказала Александра.

Дино чуть заметно поморщился. Наверное, я один заметил его гримасу.

— Лишь бы она поправилась к началу учебы, — сказала Ульрика.

— Нет уж, первый день учебы она не пропустит, будь у нее температура хоть под сорок, — усмехнулась Александра.

Ульрика рассмеялась:

— Из нее получится замечательный врач. Такого старательного и работающего человека еще поискать.

Дино просиял и загордился, как павлин. Впрочем, с полным правом.

— А как дела у Стеллы? — спросил он.

В этом вопросе не было ничего странного. Напротив. Но мне показалось, что мы слишком долго не могли подобрать ответ.

— Все хорошо, — произнес я наконец.

Ульрика улыбнулась в знак согласия. Возможно, этот ответ все же не был так уж далек от реальности. Все лето наша дочь пребывала в отличном настроении.

Сидя на застекленном балконе, мы наслаждались pitой и мини-пирожками, приготовленными Дино, — и, конечно же, гандбольными историями. У Дино по-

трясающая способность вспоминать детали игры, даже если она была десять лет назад. Между тем мои самые яркие воспоминания связаны с событиями за пределами спортивного зала. Как из автобуса, везущего нас по Ютландии, вдруг стало подтекать топливо, или как чиновник из Шёвде начал тепло отзываться о национал-социализме, или как однажды в Литве, когда мы потеряли ключи, нам пришлось коротать ночь под открытым небом.

От гандбольных воспоминаний Александру вскоре стала одолевать зевота.

— Вы слышали об убийстве?

Весьма эффективный способ сменить тему.

— Об убийстве?

— Прямо тут, у гимназии «Польхем». Там сегодня утром обнаружили труп.

— Полицейские... — пробормотала Ульрика. — Так вот почему...

Ее прервал скрип балконной двери. В проеме двери за нами стояла Амина — с потухшим взглядом, бледная, словно выцветшая тень.

— Боже мой, девочка моя, ты ужасно выглядишь! — воскликнула Ульрика, не проявляя ни малейшего такта.

— Я знаю, — хрипло ответила Амина, которая, казалось, держалась за балконную дверь, чтобы не упасть.

— Иди ложись.

— Стелла, наверно, так же разболеется — это вопрос времени, — сказал я. — Ведь вчера вечером она была с тобой?

Взгляд Амины остановился. Всего на полсекунды, даже на десятую долю секунды, но я сразу понял, что это значит.

— Да, со мной... — Амина закашляла. — Авось она не расклеится.

— Иди скорее ложись, — сказала Ульрика.

Амина закрыла балконную дверь и поплелась обратно через гостиную.

Ложь — искусство, которым мало кто владеет в совершенстве.

4

Если бы не дочери, мы с Ульрикой вряд ли бы подружились с Александрой и Дино.

Амине и Стелле было по шесть лет, когда они оказались в одной команде по гандболу. Большинство других девочек в ней были на год старше, но это не бросалось в глаза. И Амина, и Стелла с самого начала проявили боевой дух. Они были сильны, настойчивы и не сдавались. В отличие от Стеллы, Амина обладала к тому же неординарным чувством мяча.

На первых тренировках мы с Ульрикой сидели на скамейках в пропахшем потом спортивном зале и смотрели, как наша девочка носится до полного изнеможения. Редко мы видели ее такой свободной и счастливой, как на площадке для гандбола. Единственным тренером у девочек был Дино — человек увлеченный, отдающий юным гандболисткам всю душу. Однако существовала одна проблема: его жестикуляция. Когда кто-нибудь из девочек прекрасно выступал на поле, он, с его взрывным темпераментом, всем телом, мимикой и жестами выражал свою радость, однако так же мощно демонстрировал и свое разочарование, когда у них что-то не получалось. Разумеется, мы с Ульрикой не могли не реагировать и обсуждали это после каждой тренировки. Я предложил поговорить с другими родителями или обратиться в руководство клуба. Нам очень нравился Дино как тренер. Возможно, он просто не понимал, как можно истолковать его жестикуляцию.

— Лучше давай поговорим с ним лично, — сказала Ульрика и после следующей тренировки подошла к Ди-

но, который, как говорили, когда-то и сам играл в гандбол на довольно высоком уровне.

Я стоял в сторонке, пока Дино выслушивал Ульрику. Потом он сказал:

— Похоже, ты в этом разбираешься. Не хочешь работать со мной в паре?

Ульрика была настолько потрясена, что лишилась дара речи. Когда же ей удалось совладать с собой, она указала в мою сторону, пробормотав, мол, на самом деле это я что-то понимаю в гандболе и наверняка стал бы ему прекрасным напарником.

— Отлично, — сказал Дино и перевел взгляд на меня. — Ты принят.

Остальное, как говорится, уже история. Мы вели команду от одной победы к другой, объездили пол-Европы и выиграли столько медалей и кубков, что они не помещались у Стеллы на книжной полке.

На поле Амина и Стелла сразу же подружились. С изяществом и ловкостью Амина подавала Стелле мячи, а та вырывалась вперед к первой линии и не останавливалась, пока мяч не оказывался в воротах. Но инстинкт победителя имел свою оборотную сторону. Стелле было всего восемь, когда ситуация впервые вышла из-под контроля. Во время матча в Фэладсхаллен она получила прекрасный пас от Амины, оказалась наедине с вратарем, но пропустила подходящий момент. Не колеблясь ни секунды, она подхватила мяч и со всей силы послала его в лицо вратарю с расстояния в три метра.

Начался полный хаос. Тренер команды-соперника и родители выбежали на поле и набросились на Стеллу и на меня.

Она сделала это не специально. Стелла никогда не обращала свой гнев на других, только на себя. В досаде из-за упущенного шанса она потеряла над собой контроль. Стелла сожалела о случившемся, была буквально убита.

— Простите, я не подумала.